Автор: Оргкомитет
25.09.2015 11:00

Живет в Москве (Россия). Визитная карточка участника.

* * *

и плен
округлых колен
как простертый клин -
за какую мглу? за какой предел?
во всю тьму времен!

и звон
наших смертных глин, гулкой глины тел;
заголенных лон
лён -
нас не тронет тлен

и по дну долин -
колокольный гул, медной глины звон;
в мертвой глине - звон

и в осенней мгле - облетевший клен,
и земля сквозь гул поднимает взгляд - взгляд остывших глин -
в облака,

где всегда плывет перелетный клин, оставляя всех, продолжая лёт -
"Пока!".

Я был глиной и глиной стал
звон плывет
уходящий клин
плен твоих колен

жизнь как глины звон
журавлиный клин

* * *

Я хотел бы жить и умереть в Нью-Йорке,
если б не было такой земли - Париж.

Неизвестный автор.

-1-

Города прошлой жизни
чернеют во мне, как затопленные леса
под стоячей водой безнадёжно разлившегося времени.

В какую-нибудь глухую ночь
они, как деревья,
вытаскивают из песка ноги и выходят на берег,
и, подобравшись огородами, заглядывают в окно.

-2-

Эти города,
в которых я жил, из которых уезжал,
проезжал дорогой,
и в каждом чего-то ждал -
от судьбы, от мира -
слишком долго полагая, что мир мне за что-то должен.
А мир давал мне их даром,
эти города.

Города пережили пожар бездарной молодости,
выжигавший все в моей душе.
И теперь
над плоской пустыней памяти
я всегда вижу, как на туманной кромке
они машут мне крышами

и всеми улицами кричат что-то -
но не разобрать:
то ли: "скорей возвращайся!",
то ли: "прощай навсегда!".

-3-

В европейских языках города - как подруги,
женского рода.
И память любовно кружит по паутине парижских улиц,
в тысячегубом гаме над бессонным Манхэттеном,
в пронизывающем балтийском сквозняке на Невском.

Города отличаются от подруг тем,
что кажется, можно вернуться;
так, живя с другими,
все еще веришь, что любимые ждут тебя.

Впрочем,
и подруг, и всех остальных
я давно забыл.

-4-

Сильно за полночь память сбивает ворота,
и переполнившее подкорку время
с ревом вырывается наружу
и воронкой стекает в какие-то другие сны.

Города прошлой жизни вырастают из-за кустов
и встают в окне строем,
а дальше валят и валят до утра по пустоте
сквозь стены и вены.

На рассвете в них появляются люди и гудят машины,
такси несутся по Манхэттену летучими стаями,
и в Париже на всех тротуарах уже заняты столики;

города обрастают плотью,
крышами, улицами,
поднимаются в настоящий рост,
и я проваливаюсь в бездонный сон без сновидений

-5-

В этой трескучей пустоте сердца,

в сплошном белом шуме,
ты ляжешь и будешь лежать лицом в стенку,
чтобы бесконечно засыпать, слушая, как мышиные зубы времени
прогрызают ходы в твоей прохудившейся ткани,
истрепавшейся от отчаянья и стыда;
все твои города и дороги давно стали золой.

Но как бы ты не зарывался -
все равно,
когда долго-долго смотришь в себя,
через миллион километров,
внутри обязательно оказывается Флоренция -
потому что больше там быть нечему -
и площади раскрывают арками каменные лепестки.

Потому что сердце -
это и есть единственная Флоренция;
и второй Флоренции не бывает.

Но хотя эти стены и купола, и камни, и мостовые
все остались на том же месте,
сколько я не обхожу дворцы и улицы,
бары и базилики -
нигде, нигде мне не встречается ни души.

Пейзаж

Но землю, в которую тоже придется лечь,
тем более - одному, можно не целовать.

И.Б.

Вечер полярного дня. Полыхнувший лес -
закат на руках ветвей над страной воды.
Но никого - людей. И жильцы небес
сидят у своих болот и глядят сюды -

в свой опрокинутый верх, запалив костер,
выпуская дым облаков. И влюбленный глаз
не отличает наших и их озер;
это мы отразились в них, или небо - в нас?

Потому что, как там - синева, так и здесь, внизу
разлилась по камням вода, чтобы свет - видней;
знать, замечтавшись, бог уронил слезу
и, заглядевшись, весь растворился в ней.

Потому что небо, кольцом сжимая земли бока,
стянуло меридианы в полюс узлом,
и тундры круглыми лбами мнут облака,
и горизонт - гляди, зацепишь веслом.

Жизнь - как полярный день, как весла плеск:
свет без конца, воды и земли речь.
Вечной зимы дверь. Глаз бездонный блеск.
Небо - в которое тоже придется лечь.